

ЭЛИТНЫЕ ГРУППЫ ТРАДИЦИОННЫХ ОБЩЕСТВ

С. В. Волков

Университет Дмитрия Пожарского

Сергей Волков

**Элитные группы
традиционных обществ**

«Русский фонд содействия образованию и науке»

2017

УДК 93/94
ББК 63.3

Волков С. В.

Элитные группы традиционных обществ / С. В. Волков —
«Русский фонд содействия образованию и науке», 2017

ISBN 978-5-91244-221-6

В книге рассматривается структура и номенклатура элитных социальных групп в различных традиционных (до начала XX в.) обществах Востока и Запада. Затрагиваются такие вопросы, как правовое обособление элитных групп, их численность и удельный вес в населении, порядок их комплектования и уровень самовоспроизводства. Рассмотрена также взаимосвязь традиционных сословных и новых функциональных (офицерства, чиновничества, неслужилой интеллигенции) элитных групп при разложении традиционных обществ в Европе в XVIII–XIX вв.

УДК 93/94
ББК 63.3

ISBN 978-5-91244-221-6

© Волков С. В., 2017
© Русский фонд содействия
образованию и науке, 2017

Содержание

Предисловие	6
1. Элитные группы (функциональная и цивилизационная типология)	10
2. Структура элиты традиционных обществ. Номенклатура элитных групп	20
Общества древности и раннего средневековья	20
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Сергей Волков

Элитные группы традиционных обществ

© Волков С. В., текст, 2017

© Яковлев В. Ю., дизайн и оформление обложки, 2017

© Русский фонд содействия образованию и науке, 2017

Предисловие

Всякое общество в социальном плане принято изображать в виде пирамиды, образованной иерархией социальных групп, различающихся статусом, престижем и благосостоянием. На деле, однако, для традиционных обществ картина несколько иная: на огромной платформе-основании возвышается небольшая пирамида, поскольку все социальные группы, расположенные иерархически выше массы «простого народа», вместе взятые составляют лишь несколько процентов от всего населения. Предметом нашего интереса в данном случае как раз и являются эти группы в различных обществах традиционного типа – номенклатура таких групп, их численность и удельный вес в населении, порядок комплектования, состав по социальному происхождению и уровень самовоспроизводства.

Под «традиционными» здесь имеются в виду общества до начала XX в. (а некоторые афро-азиатские – и несколько позже этого времени), которые принципиально отличаются от «массового» общества, вполне сложившегося в Европе и Америке после Первой мировой войны (что достаточно наглядно сказалось и на социальной структуре общества, и на конфигурации и составе его элитных групп). Под «массовым» обществом имеется в виду то, которое начало создаваться примерно с середины XIX в. под влиянием «промышленной революции» и демографического взрыва, имевшего место в том столетии. Эти факторы, вместе взятые, и обусловили явление, которое довольно метко было названо «восстанием масс». Хотя удельный вес в обществе элиты в целом не претерпевает радикальных изменений, политические институты и идеология массового общества настолько отличны от традиционного, что набор элитных групп существенно меняется.

Термин «элита», обозначающий некоторое меньшинство, превосходящее общую массу в некоторых отношениях, в литературе используется весьма произвольно. В социологии, как известно, существует целый ряд «теорий элиты», приверженцы которых понимают под элитой то «лучших по профессии» в каждом слое (вплоть до «элиты воров»), то индивидуумов, отличающихся особыми морально-нравственными свойствами, то социальные «верхи» – высшие по статусу или благосостоянию социальные группы, то исключительно высший слой лиц, обладающих политической властью.¹ Независимо от того, идет ли речь о личных качествах отдельных лиц или о занимаемом ими по факту положении в обществе, любой подход исходит из объективного наличия некоторого занимающего особое положение меньшинства, вне которого существование общества непредставимо. Как отмечал один из известных философов XX в.: «То, что “должно быть”, сводится к тому, что быть может, а последнее отвечает условиям реально существующего... Всякое истинное суждение о чём бы то ни было зиждется на предварительном коленопреклоненном созерцании действительности... Вместо того чтобы говорить о том, что должно быть (а так поступают моралисты и правоведы), нужно вникнуть в то, что уже есть. Может ли общество жить без аристократии – вопрос праздный. И, кроме того, однозначно решенный с первозданных времен: общество без аристократии, без избранного меньшинства абсолютно невозможно²». При том или ином подходе круг лиц, относимых к элите, может выглядеть или чрезвычайно широким, или слишком узким, или вообще принципиально неопределенным.

¹ К началу XX в. сформировались два основных подхода к вычленению элит. Один, родоначальником которого является В. Парето, относит к элите лиц, «обладающих наивысшими показателями в своей сфере деятельности» (*Pareto V. Elites and Their Circulation // Structured Social Inequality: A Reader In Comparative Social Stratification. New York, 1969*). Другой, связанный с именем прежде всего Г. Моска, отождествляет с элитой «правлящий класс» в самом широком смысле этого слова (*Mosca G. The Ruling Class // The Logic of Social Hierarchies. Chicago, 1971*), причем в ряде случаев понятие элиты сужается до узкого круга занимающих видное положение государственных деятелей.

² Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М., 2003. С. 334–335.

В социологическом же смысле существенны не личные качества индивидов, а принадлежность их к тем или иным общностям, которые имеют в обществе статус, выделяющий их из большинства населения. Поэтому в данном случае под элитой понимается вся совокупность членов тех социальных групп, которые занимают положение выше основной массы населения. То есть слой, насчитывающий в каждой стране по крайней мере десятки тысяч людей. Основой социальной структуры традиционного общества, как бы «нулевой отметкой» является «простой человек» – обычно свободный полноправный «непосредственный производитель» (крестьянин и ремесленник), представляющий, как правило, абсолютное большинство населения, ниже которого стоят различные категории неполноправных – слуги, личновзависимые, батраки и другие наемники физического труда, лица презируемых профессий, люмпены, рабы и т. д. Фактически в традиционном обществе социальные группы, о которых идет речь, включают всех, кто стоит выше лиц простейших функций: будь то предприниматель (купец), чиновник, священнослужитель и вообще любое лицо хотя бы самого простого умственного труда.

Эти группы здесь и далее условно именуется «элитными группами». Такой термин выглядит максимально нейтрально и позволяет уйти от полемики вокруг терминов, связанных с именованием элементов социальной стратификации общества. Многообразие социальных групп и различное правовое оформление их в тех или иных обществах порождает чрезвычайное разнообразие в терминологии для их обозначения, тем более что даже такие привычные понятия, как «сословие», как будет показано ниже, выглядят совершенно не однозначно; дефиниция их достаточно спорна, и смысл, вкладываемый в них теми или иными исследователями, бывает весьма разным. Поскольку данная книга посвящена исключительно наблюдениям над фактической стороной структуры элитного слоя различных обществ и их характеристик, столь абстрактный термин как «элитная группа» представляется наиболее удобным.

Основную проблему для сравнительного исследования круга вопросов, связанных с элитными группами традиционных обществ составляет относительная скудость имеющегося фактического материала. С одной стороны это вызвано объективным недостатком сведений, а тем более конкретных цифровых данных для абсолютного большинства не только древних обществ, но и средневековых азиатских обществ (за исключением разве отдельных периодов истории некоторых стран Дальнего Востока). С другой стороны, эти вопросы обычно привлекают весьма незначительное внимание в науке. В капитальных трудах по истории отдельных государств и регионов всему перечню проблем, касающихся элитных групп, обычно посвящено в общей сложности лишь 3–4 страницы из нескольких сот. Положению в обществе элитных групп и их характеристикам посвящено некоторое количество книг общетеоретического³ или обзорного⁴ характера, однако там в большинстве случаев приводится весьма скромный и случайный фактический материал. Монографические же исследования, посвященные какой-либо из таких социальных групп, сравнительно редки.

Тем не менее по целому ряду стран, исследования, посвященные тем или иным элитным группам и позволившие получить по ним конкретные объективные данные, проводились. Например, монографии или достаточно обстоятельные статьи такого рода имеются по раннему⁵ и среднему⁶ периодам истории Византии, по ряду европейских стран – Англии,⁷ Франции,⁸

³ Carlton E. The few and the many: a typology of elites. Scholar Press, 1996; Clark G. The Son Also Rises: Surnames and the History of Social Mobility. Princeton University Press, 2014; Kaelble H. Social Mobility in the 19th and 20th Centuries: Europe and America in Comparative Perspective. St. Martin's Press, 1985; Keller S. Beyond the Ruling Class: Strategic Elites in Modern Society. New Brunswick, 1991; Marger M. Elites and Masses: an Introduction to Political Sociology. New York, 1987; Reinhard W. Power elites and state building. Clarendon Press, 1996.

⁴ The European Nobility in the Eighteenth Century / Ed. by A. Goodwin. L., 1953; Verba S. Elites and the Idea of Equality: a Comparison of Japan, Sweden, and the United States. Cambridge (Mass.) – L., 1987.

⁵ Лебедева Г. Е. Социальная структура ранневизантийского общества. Л., 1980; Чекалова А. А. Сенаторская аристократия Константинополя в первой половине VI в. // Византийский временник, 33, 1972.

⁶ Каждан А. П. Социальный состав господствующего класса Византии XI–XII вв. М., 1974.

Германии,⁹ Швеции,¹⁰ России,¹¹ а также по Китаю¹² и некоторым странам Дальнего Востока¹³ и Юго-Восточной Азии.¹⁴ Значительная часть результатов конкретных исследований или обзоров на эту тему опубликована в издававшихся в нашей стране и за рубежом нескольких тематических сборниках статей, специально посвященных элитным группам разных стран¹⁵ или социальной структуре различных обществ,¹⁶ а также в отдельных статьях на соответствующие темы в научной периодике. Наконец, некоторые сведения по ряду вопросов, связанных с элитными группами традиционных обществ содержатся в монографиях, посвященных истории и государственному устройству тех или иных государств.¹⁷ В совокупности все эти данные всё-

⁷ Stone L. The Crisis of the Aristocracy, 1558–1641. L., 1965; Tawney R. H. The Rise of the Gentry, 1558–1640 // Past and Present, XI (1941), repr. in Essays in Economic History. Vol. 1 / Ed. E. M. Caruc-Wilson. L., 1954; Razzell P. E. Social Origins of Officers in the Indian and British Home Army, 1758–1962 // British Journal of Sociology. Vol. 14 (3), 1963; Otley C. B. The Social Origins of British Army Officers // Sociological Review. Vol. 18 (2), July 1970.

⁸ Пименова Л. А. Дворянство накануне Великой французской революции. М., 1986; Шарль К. Интеллектуалы во Франции. М., 2005; Couturier M. Resherches sur les structures sociales de Chateaudun, 1525–1789. Paris, 1969; Ford F. Robe and Sword: The regrouping of the French Aristocracy after Louis XIV New York, 1965; Huppert G. Les bourgeois gentilshommes: an essay on the definition of elites in Renaissance France. Chicago, 1977; Mousnier R. Le Conceil de roi. Paris, 1970.

⁹ Rosenberg H. Bureaucracy, Aristocracy and Autocracy: The Prussian Experiens, 1660–1815. Cambridge, Mass., 1958; Demeter K. The German Officer Corps in Society and State, 1650–1945. L., 1965; Craig G. A. The Politics of the Prussian Army. New York, 1964.

¹⁰ Fahlbeck P. E. Der Adel Schwedens (und Finlands): Eine Demographische Studie. Jena, 1903.

¹¹ Правящая элита Русского государства IX – начала XVIII вв. Очерки истории. СПб., 2006; Павлов А. П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове. СПб., 1992; Волков С. В. Русский офицерский корпус. М., 1993; Голикова Н. Б. Привилегированные купеческие корпорации России XVI – первой четверти XVIII в. М., 1998; Корелин А. П. Дворянство в пореформенной России 1861–1904 гг. М., 1979; Кабузан В. М., Троицкий С. М. Изменения в численности, удельном весе и размещении дворянства в России в 1782–1858 гг. // История СССР. 1971. № 4; Троицкий С. М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. М., 1974; Freeze G. L. The Russian Levities: Parish Clergy in the Eighteenth Century. Cambridge, Mass.; London: Harvard University Press, 1977; Pintner W. M. The Social Characteristics of the Early Nineteenth Century Russian Bureaucracy // Slavic Review American Quarterly of Soviet and East European Studies. Vol. 29. № 3. Sept., 1970.

¹² Chang Chung-li. The Chinese Gentry. Seattle, 1970; Chu Tung-tsu. Han Social Structure. Seattle-London, 1972; Eberhard W. Social Mobility in Traditional China. Leiden, 1962; Eberhard W. Conquerors and Rulers. Social forces in medieval China. Leiden, 1965; Ebrey P. B. The Aristocratic Families of Early Imperial China. Cambridge, 1978; Hsieh Pao Chao. The Government of China (1644–1911). New York, 1966; Kracke E. A. Civil Service in Early Sung China, 960–1067. Cambridge, Mass., 1953; Marsh R. M. The Mandarines: Circulation of Elites in China 1600–1900. Glencoe, 1961; Parsons J. B. The Ming Dynasty Bureaucracy: Aspects of Background Forces // Chinese Government in Ming Times. NY.-L., 1969; Twitchett D. The Composition of the T'ang Ruling Class // Perspectives on the T'ang. New Haven-London, 1973.

¹³ Волков С. В. Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке. М., 1999; Волков С. В. Чиновничество и аристократия в ранней истории Кореи. М., 1987; Грачев М. В. Формирование древнеяпонского чиновничества в VII – начале VIII вв. Рукопись канд. дисс. М., 1998; Mannari H. The Japanese Business Leaders. Tokyo: University of Tokyo Press, 1974; Ch'oe Yongho. The Civil Examinations and the Social Structure in Early Yi Dynasty Korea: 1392–1660. Seoul, 1987; Чхве Джинук. Чосон сидэ сэнвон чинса ёнгу (Исследование обладателей степеней сэнвон и чинса периода Чосон). Сеул, 1998; Сневаковский А. Б. Самураи – военное сословие Японии. М., 1981.

¹⁴ Агаджанян А. С. Провинциальное чиновничество и государственный феодализм в Бирме // Народы Азии и Африки, 1983, № 3; Антощенко В. И. Чиновничество в социальной структуре феодального Вьетнама XVII–XVIII вв. Рукопись канд. дисс. М., 1991; Никитин А. В., Федорин А. Л. О роли феодальных родов в истории Вьетнама // Социальные группы традиционных обществ Востока. Ч. 1. М., 1985.

¹⁵ Elites: choice, leadership and succession / Ed. by Pina-Cabral de J., Pedrosa de Lima A. Oxford-New York, 2000; The Rich, the Well Born, and the Powerful; Elites and Upper Classes in History / Ed. by F. C. Jaher. Urbana-Chicago-London, 1973; Европейское дворянство XVI–XVII вв.: границы сословия. М., 1997; Классы и сословия в докапиталистических обществах Азии. М., 1986; Социальные группы традиционных обществ Востока. Ч. 1–2. М., 1985.

¹⁶ Социальная структура общества в XIX в. М., 1982; Ранние формы социальной стратификации. М., 1993; Историко-социологические исследования. М., 1970; Государство в докапиталистических обществах Азии. М., 1987; Социальные организации в Китае. М., 1981; Типы общественных отношений на Востоке в средние века. М., 1982; Феномен восточного деспотизма. М., 1993.

¹⁷ Государство Бохай (698–926 гг.) и племена Дальнего Востока России. М., 1994; Кычанов Е. И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М., 1997; Кычанов Е. И. Очерк истории тангутского государства. М., 1968; Воробьев М. В. Чжурчжэни и государство Цзинь. М., 1975; Строева Л. В. Государство исмаилитов в Иране в XI–XIII вв. М., 1978; Агаджанов С. Г. Государство Сельджукидов и Средняя Азия в XI–XII вв. М., 1991; Азимджанова С. А. Государство Бабура в Кабуле и в Индии. М., 1977; Большаков О. Г. История Халифата. Т. 1–2. М., 1989–1993; Буниятов З. М. Государство Хорезмшахов-Ануштегенидов. 1097–1231. М., 1986; Гордлевский Вл. Государство Сельджукидов Малой Азии. М. – Л., 1941; Жуков К. А. Эгейские

таки позволяют в некотором приближении представить себе общую картину правового положения элитных групп в традиционных обществах, перечня таких групп в разных странах, численности и удельного веса в населении их членов, порядка комплектования, состава по социальному происхождению и уровня самовоспроизводства и сопоставить ситуацию в странах того или иного цивилизационного типа.

1. Элитные группы (функциональная и цивилизационная типология)

Существуют несколько основных видов элитных групп в зависимости от того «актива», обладание которым обеспечивает данной группе первенствующее положение. Таковыми являются: 1) административный ресурс (непосредственное осуществление властных полномочий); 2) культ (исполнение сакральных и духовных функций); 3) знание; 4) происхождение; 5) богатство. Названные активы могут естественным образом совмещаться, создавая ситуацию, когда одни и те же люди или социальные группы соединяют в своем лице несколько из них или даже все. Но и в этом случае обычно какой-то из них является главным, изначальным, по отношению к которому другие являются производными. Например, в теократическом обществе правящий слой, хотя бы эти люди занимали управленческие должности и обладали наибольшим богатством, – прежде всего жрецы соответствующего учения, и ведущую роль играет их положение в иерархии идеологического авторитета, в бюрократическом обществе будет важно само по себе положение на служебной лестнице или близость к трону, в аристократическом – для получения всех иных активов будет важна знатность происхождения, в плутократическом – размер личного состояния. Высказывались предположения, что с наступлением эры «информационного общества» основой власти, духовного влияния и богатства станет интеллект.

Большинство традиционных обществ были аристократическими или бюрократическими (хотя и плутократические встречаются с глубокой древности), в которых правила элита, условно говоря, «меча» или «пера», то есть для должностных лиц их положение именно в качестве таковых было определяющим. Связь их с собственностью или культом, знатность не имели существенного значения. Причем в Европе аристократические в большинстве случаев со временем сменялись бюрократическими (так обстояло дело и в Российской империи, высший слой должностных лиц которой никогда не был самым богатым слоем, а к началу XX в. почти вовсе утратил связь с собственностью).

В обществах, порожденных «восстанием масс», на первый план выходит богатство, и власть часто становится производной от него (если не брать также свойственные эпохе тоталитарные идеократические диктатуры, неизбежно носящие квазитеократический характер). Большинство современных обществ являются плутократическими, что де-факто признаётся социологией, которая в основу социальной стратификации и деления общества на слои кладет не профессиональный, не статусный, не образовательный, а именно имущественный признак – размер дохода. В них само по себе занятие высоких государственных должностей не является самоценным, а лишь производным (часто на них допускаются и достаточно случайные люди), а для реального влияния существенно прежде всего положение в сфере собственности.

В состав элиты (в том смысле, как она здесь понимается) в любом традиционном обществе обязательно входят лица, могущие отнести себя хотя бы к одной из следующих групп: родственники правителей (независимо от занимаемого положения), все члены высшего в данном обществе сословия (если оно носит наследственный характер), служители культа, офицеры и чиновники, лица умственного труда (образованные люди), купцы и предприниматели (обладающие состоянием, выделяющим их из массы населения).

Обычно эти группы тяготеют к законодательному оформлению. Место, занимаемое в иерархии каждой из них не обязательно прямо прописано в законодательстве, но так или иначе обнаруживается в различных правовых нормах, касающихся, например, поступления на службу, допуска в те или иные учебные заведения, налогообложения и т. д., так что по совокупности таких норм иерархия вырисовывается в каждом случае достаточно очевидно. Например, в Российской империи она выглядела примерно так: 1) потомственные дворяне, 2) офи-

церы и чиновники, не достигшие прав потомственного дворянства, 3) духовенство, 4) купцы и предприниматели, 5) лица интеллектуальных профессий или соответствующего образования, не входящие в предыдущие группы, 6) частные служащие. За пределами этой общности остаются ремесленники, мелкие торговцы, крестьяне и лица наемного физического труда. Приблизительно сходная картина характерна (при том или ином оформлении или вовсе без него) и для других европейских стран того же периода.

В обществах иного цивилизационного типа набор конкретных групп может быть различен, но если попытаться вычленить общее, то в абсолютном большинстве традиционных обществ можно выделить пять основных групп: аристократия, служилые слои, духовенство, купечество (предприниматели) и неслужилые лица умственного труда. При этом в некоторых обществах ряд социальных групп, объективно занимающих важное положение и в любом случае стоящих выше массы населения по благосостоянию или функциям (например, представители ряда профессий умственного труда в Риме, купцы в обществах традиционной китайской культуры, гулямы в мусульманских странах), могли не считаться престижными с точки зрения государственной идеологии или общественных представлений, что создавало противоречие между их ролью в обществе и формальным социальным статусом (иногда даже рабским).

Аристократия во всех известных обществах складывалась четырьмя путями. 1. Она представляла собой потомков родовой верхушки (разных родов), сплоченных вокруг правителя централизованного государства. 2. Она представляла собой независимых крупных землевладельцев, при образовании единого государства конституировавшихся в высшую знать (в ряде случаев сохранявших свои владения, в ряде случаев – лишенных их или независимого ими управления). 3. Состояла изначально из членов правящего рода, разросшегося в заметную социальную группу. 4. Создавалась правителями из числа заслуженных лиц, получавших наследственные титулы знатности. Но в ряде обществ она может вовсе не выделяться.

Из всех терминов, характеризующих высшие слои общества, термин «аристократия» в литературе употребляется наиболее абстрактно. В большинстве случаев авторы не связывают с ним сколько-нибудь определенной для них самих социальной группы, а употребляют его просто как обозначение высшего слоя общества. Если же при этом и имеется в виду какая-то конкретная, социально очерченная группа, то она может быть самой разной и по численности и по своей природе. В отношении многих, если не большинства, восточных обществ это имеет некоторое оправдание, поскольку, действительно, набор высших групп, претендующих на такую дефиницию, там весьма многообразен. Тем не менее некоторая ясность в этот вопрос может и должна быть внесена, и точкой отсчета должно, конечно, служить европейское понимание аристократии. Не потому, что европейский тип развития более «нормативен» в рамках «мировой цивилизации» (скорее, наоборот). Но хотя бы потому, что вся современная наука (в т. ч. и в современных странах Востока) по происхождению, используемым методам и понятиям есть наука европейская.

Для европейских же стран под аристократией совершенно правомерно подразумевались носители наследственных титулов, составлявшие высший слой дворянства, или (при отсутствии титулов) равноценная им социальная группа. Во всяком случае, аристократия в европейских странах – это элита высшего, наиболее привилегированного в государстве сословия (дворянства). Таким образом, социальное значение термина «аристократия» состоит в обозначении верхушки высшего в данном обществе социального слоя (на практике социально открытой, но наследственной). Причем такой верхушки, которая сама по себе может быть названа социальным слоем, а не состоит всего лишь из нескольких десятков человек.

В отношении азиатских стран, особенно дальневосточных, вопрос стоит сложнее. Употребляя этот термин, дефиниций обычно не дают, и это понятно: при отсутствии в этих странах дворянства европейского типа аристократию как бы не с чем соотнести, и под ней часто разумеется всё то, что напоминает европейское дворянство в целом, т. е. лица с наследственным

(пусть не всегда юридически оформленным) привилегированным статусом.¹⁸ Однако достаточно выбрать те черты, которые определяют социальную сущность аристократии и соответствуют совокупности нескольких самых общих критериев. Аристократия, во-первых, должна представлять собой достаточно заметную численно группу (т. е. не сводиться к 2–3 десяткам человек), во-вторых, составлять лишь относительно небольшую часть всего высшего привилегированного слоя (а не весь этот слой), в-третьих, иметь наследственный характер, в-четвертых, обладать некоторыми специфическими атрибутами (титулами, фиксированной генеалогией, общественным признанием). Ничего удивительного, что в условиях реалий традиционных восточных обществ круг лиц, к которым применим термин «аристократия», может быть различным не только для разных стран, но и для разных периодов истории одной и той же страны.

Существует мнение, что на традиционном Дальнем Востоке (в странах ареала китайской политической культуры) аристократии вообще быть не могло, потому что традиционная дальневосточная система в принципе не допускала возникновения потомственного привилегированного сословия. Действительно, высший слой чиновничества там не мог юридически обеспечить своим детям столь же высокое положение в служебной иерархии (а только гарантировать поступление на службу), обладатели титулов знатности не могли передавать их по наследству, члены древних служилых родов, родовитых кланов, «сильных домов» никак формально не отличались от простолюдинов, если не были чиновниками, а служили далеко не все члены таких семей. Наличие аристократии как признаваемой государством наследственной группы (кроме потомков правителей) нехарактерно для классических вариантов традиционной дальневосточной системы.

Однако страны Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии, находившиеся в сфере влияния китайской культуры, сохраняли значительный потенциал изначально присущей им аристократической традиции, которая при ослаблении по тем или иным причинам китайского влияния прорывалась наружу и проявляла себя достаточно зримо. Наконец, и в самом Китае бюрократическое начало не было изначально не только единственным, но первоначально не было даже преобладающим. Правда, в Китае аристократическая тенденция была задавлена бюрократической еще в древности, что и определило в дальнейшем специфику дальневосточной цивилизации, но и в раннее средневековье было время, когда в результате завоевания Северного Китая кочевыми племенами аристократическая тенденция обрела на несколько столетий «второе дыхание» и весьма отчетливо просматривается и в период танской, «китайской из китайских», династии.¹⁹ Ну и в конце концов, даже в самом Китае аристократия в любом случае существовала при всех династиях как совокупность родственников правящего рода, т. е. в том же качестве, в каком она существовала в Восточной Европе XIV–XVI вв. – в Великом княжестве Литовском и Русском государстве, где аристократия ограничивалась носите-

¹⁸ Во всяком случае, именно такое впечатление производят работы по китайской аристократии. В целом различается по меньшей мере десять основных подходов в понимании аристократии, под ней имеются в виду: 1) члены влиятельных кланов, так называемые «сильные дома»; 2) члены правящего рода; 3) члены нескольких приближенных к престолу родов; 4) носители титулов знатности; 5) высшие сановники; 6) наиболее родовитая часть чиновников; 7) всё чиновничество; 8) крупные землевладельцы; 9) образованная элита, носительница культурных традиций; 10) весь привилегированный слой общества. На практике все эти категории населения, естественно, всегда пересекаются, полностью или частично совпадая по персональному составу. Но очевидно, что среди них названы явления совершенно разного порядка, в т. ч. носящие явно эмоционально-оценочный характер.

¹⁹ Тут следует подчеркнуть, что я рассматриваю аристократию только как функционально-статусную группу, отвечающую названным выше критериям, т. е. группу, представляющую небольшую часть, верхушку высшего сословия, а не всё сословие (с которым может быть соотнесен весь слой родов шидафу). Поэтому для этого времени аристократией в том смысле, в каком употребляется этот термин в настоящей книге, можно считать лишь несколько десятков наиболее могущественных кланов (которые и формально отделялись от остальных служилых родов). Весь же остальной круг родов и семей, официально зарегистрированных в реестрах и выделенных таким образом из массы населения, представляет собой по своему месту в социальной структуре общества, статусу в нём и функциям полный аналог европейского дворянства, поскольку им и исчерпывается всё высшее сословие.

лями княжеского титула (а тогда его могли иметь только лица, принадлежащие к правящим династиям – Рюриковичи и Гедиминовичи).

Так что если дальневосточное чиновничество можно соотнести с европейским дворянством весьма условно, то такой элемент социальной структуры, как аристократия, всё-таки является общим для обеих цивилизаций. Разница только в том, что в аристократических европейских обществах наследственная аристократия является частью наследственного же дворянского сословия, составляя его верхушку, и никак принципиально не отличается от всего высшего сословия, а в бюрократической традиционной дальневосточной системе наследственная аристократия, также составляя (правда, часто только в своей части) верхушку высшего служилого сословия, совершенно по-иному соотносится с остальной его частью – принципиально ненаследственным чиновничеством. Здесь она выглядит инородным телом, представляя собой как бы антисистемный «островок» в море «меритократической» идеологии и социально-политической практики.

Служилые слои существуют и занимают привилегированное положение в любом обществе. Это то, что известно нам как дворянство. Действительно, наиболее типичной формой этого слоя являются служилые землевладельцы – лица, обязанные военной службой и получающие для возможности ее исполнения земельные наделы (обычно с зависимыми людьми) или право сбора налога с определенных территорий. На этих же основаниях получали землю и вообще чины администрации (если в одних обществах их было очень немного, то в других, «бюрократических» обществах их было не меньше, а часто больше, чем военных). Служилые люди в любом случае (практически всегда) стояли на следующей ступеньке после аристократии (которая обычно была их высшим слоем). Но их обеспечение не обязательно могло быть связано с землей, известны (в т. ч. и в очень ранние времена) различные формы денежной оплаты. При существовании регулярной армии и развитого государственного аппарата этот слой был представлен офицерами и чиновниками, в иных случаях – эволюционировал в этом направлении. Внутри слоя обычно выделяются высшие и низшие страты. Общее здесь то, что речь идет о слое, выполняющем государственные административные и силовые функции и занимающем привилегированное положение по сравнению с массой населения.

Духовенство в том или ином виде также присутствует почти во всех обществах. В теократических оно составляет реально правящую группу, во многих других, не занимая на деле этого места, декларируется как высшее или первое сословие. В ряде случаев оно может занимать довольно скромные позиции среди других элитных групп, но всегда остается в их числе. В абсолютном большинстве случаев духовенство было оформлено как особый слой (сословие). При этом имеется в виду собственно жречество (которое обычно подразделяется на несколько страт), которое следует отличать от существующего в ряде конфессий монашества, представляющего собой в статусном плане всего лишь рядовых лиц, исключенных в административном и фискальном отношении из массы населения, но не отличающихся от него ни по трудовым функциям, ни по образовательному уровню.

Купцы в большинстве традиционных обществ стояли на низшей ступени (хотя в разное время известны и общества с ведущей ролью торговой олигархии) среди элитных групп. Почти везде они осознавались как особая социальная группа, но часто не были оформлены в отдельное сословие или юридически не выделялись из более общей группы (напр., «горожан» и т. п.), хотя были объединены в корпорации. В небольшом числе сильно бюрократизированных обществ (где соответствующие функции были делом государства и выполнялись государственными агентами) этого слоя не существовало.

Неслужилые лица умственного труда обычно не выделялись в сословном плане или входили в одну группу с низшим служилым элементом. В традиционных обществах (за исключением позднего периода, когда начинается разложение традиционного общества) они были

крайне немногочисленны, т. к. сфера их деятельности, как правило, полностью охватывалась чиновничеством и духовенством.

* * *

Элитные группы в зависимости от типа общества могут быть обособлены в юридические группы (сословия) или существовать вне законодательного оформления. При этом сословное деление (при всех формальных его признаках – в законодательстве прослеживается наличие социальных групп, отличающихся друг от друга по объему прав и статусу) может вовсе не отвечать реальной иерархии элитных групп и даже вовсе не иметь к ней отношения. Фактически по-настоящему сословными являются только европейские традиционные общества средневековья и нового времени, а также некоторые древние и раннесредневековые общества, созданные индоевропейцами (например, Сасанидский Иран).

Понятие сословия вообще достаточно неопределенно, но если вычленить общее и бесспорное в многочисленных определениях и толкованиях данного понятия, то это прежде всего социальная группа, обладающая юридически зафиксированными правами и обязанностями и отличающаяся совокупностью, набором таковых от других социальных групп данного общества. По существу, «номенклатура» сословий определяется законом (совокупность прав и обязанностей – понятие юридическое), и если данная социальная группа не выделяется государством в правовом отношении, то, строго говоря, сословием она заведомо называться не может. Когда сословное деление непосредственно зафиксировано в законодательстве (дается перечень сословий), сословная стратификация общества не вызывает затруднений; сложнее обстоит дело, когда в обществе просто имеется ряд социальных групп с различным набором ограничений и привилегий и особенно тогда, когда социальные группы выделяются по разным критериям и человек может быть одновременно членом нескольких из таких групп, каждая из которых претендует в принципе на название сословия.

Неоднозначна ситуация с «сословиями» и в традиционных дальневосточных обществах средневековья и нового времени «конфуцианского типа» – ареала распространения китайской политической культуры. Хотя здесь законодательство фактически различает целый ряд категорий населения, которые вполне можно именовать, например, «сословными группами» или «субсословиями» (чиновники и вообще «образованные люди, ученые», крестьяне, ремесленники, торговцы, различные виды неполноправных вплоть до рабов), но по большому счету (и «официально») сословий только два: 1) полноправные – «добрый народ» (которым в принципе открыт путь в чиновники через сдачу государственных экзаменов) и 2) неполноправные – «подлый народ» (которым этот путь закрыт). «Добрый народ» при этом охватывает лиц от родственников правителей до рядовых крестьян, внутри, правда, достаточно четко выстроена «морально-статусная» иерархия «ученые – крестьяне – ремесленники – торговцы» (двум последним категориям временами тоже ограничивался доступ к экзаменам). Де-факто, конечно, привилегии чиновников (лиц, имеющих общегосударственный ранг (им обычно наделяются и некоторые категории реально не служащих лиц)) настолько очевидны, что обычно считают возможным выделять в таких обществах всё-таки три сословия: 1) привилегированных, 2) полноправных непривилегированных, 3) неполноправных. Таким образом, в традиционной дальневосточной системе выделяются как бы три уровня социальной стратификации: 1) дихотомия свободные – несвободные («добрый» – «подлый» люд), 2) деление этих двух больших групп на 3–4 категории по принципу объема прав (привилегированные, полноправные, неполноправные, бесправные), 3) выделяемые законодательством конкретные социальные группы.²⁰

²⁰ Вопрос о том, деление какого именно уровня считать сословным делением, решается в литературе по-разному (не говоря

Наиболее существенно в определении сословия именно обладание данной социальной группой совокупностью прав и обязанностей, отличающей ее от других социальных групп, а не наследственность сословной принадлежности и степень замкнутости. Об этом приходится упоминать потому, что под влиянием установившихся в советской науке стереотипов²¹ обязательным признаком сословия часто полагают наследственность. Поэтому приходится встречать утверждения о «несословности», в частности, дальневосточных обществ именно по причине отказа социальным группам в этих странах называться сословиями из-за принципиальной ненаследственности социального статуса их членов и относительной открытостью, легкостью перехода из одной социальной группы в другую.²² Но это совершенно неверно (возможно, осно-

уже о том, что общества традиционной дальневосточной системы иногда вообще считают несословными). Тем более, что при его решении не всегда можно опираться на выделение искомым групп законодательством, поскольку иногда при одинаковом, в принципе, социально-профессиональном составе населения, в одних странах законодательство выделяло 3–4 группы, в других – до 10 и более. Но, исходя из привычных критериев близких нам европейских понятий (где сословное деление, как принято считать, выступает наиболее выпукло и определено), предпочтительнее выделять в сословия достаточно большие группы населения, существенно отличающиеся друг от друга по социальному статусу и объему прав. Таковых же можно выделить обычно не более 3–4, и для стран традиционной дальневосточной системы ими будут чиновничество (в широком смысле этого слова, т. е. включая примыкающие к нему группы), простолюдины и личностнозависимые. Что же касается более мелких социальных групп, существующих параллельно с основными и тем более входящих в состав более крупных (например, члены правящего клана, субчиновничество, ремесленники, различные категории несвободных и т. п.), то они могут быть названы сословными группами, субсословиями или сословиями второго порядка. Любопытно, что при всей разнице в наборе называемых сословий единственное сословие, которое присутствует во всех схемах, это сословие свободных простолюдинов, т. е. именно тот слой населения, который составляет подавляющее большинство в обществе. Характерно при этом, что никто не считает сословиями те четыре группы, на которые «простой народ» (и шире – всё население) делится в системе традиционных китайских представлений: образованные люди, земледельцы, ремесленники и торговцы; в лучшем случае они считаются прослойками. Для этого действительно есть основания, поскольку в правовом отношении различия между ними в традиционной дальневосточной системе незначительны (сводятся практически к тому, что ремесленникам и торговцам запрещалось сдавать экзамены на чин), и существование этих групп в китайской политической традиции отражает лишь представления о сравнительной престижности соответствующих занятий. Однако в странах региона, отошедших от традиционной дальневосточной системы или никогда не принадлежавших к ней, именно эти категории населения являлись настоящими сословиями. Так в Японии после X в. сословие чиновников так и не оформилось, но выделяются сословия аристократии, самураев (или военно-служилое сословие), крестьянство и городское сословие, а к началу периода Токугава насчитывалось 4 сословия: самураи, крестьяне, ремесленники и торговцы, кроме них существовали аристократия, духовенство и парии (*Толстогузов А. А. Социальная мобильность в средневековой Японии // Классы и сословия в докапиталистических обществах Азии. М., 1986. С. 92–95*). Помимо сословия свободных простолюдинов более или менее очевидным является существование сословий чиновников (в которое некоторые включают и знать, родственников правителя), духовенства (монахов) и несвободных (иногда подразделяемое на ряд более мелких сословий). Выделять в социальной структуре дальневосточных обществ в качестве самостоятельного сословия так называемую знать едва ли правомерно. К ней обычно относят родственников правителя (в т. ч. и по жене) и обладателей почетных титулов. Разумеется, они стояли по общественному и имущественному положению выше основной массы чиновничества, однако родственники правителя слишком специфическая и относительно малочисленная группа, чтобы ее можно было считать особым сословием. Что же касается титулов, то они, во-первых, были ненаследственными, а во-вторых, давались за личные заслуги. Наконец, все титулованные особы входили в одну общегосударственную систему рангов, а именно по принципу обладания рангом в дальневосточных обществах и выделялось высшее сословие. Эти люди, составляя специфическую, обособленную группу, входили тем не менее вместе с чиновниками в состав одного сословия. Точно так же, как в Европе носители титулов составляли высшую часть единого дворянского сословия. Европейские титулы и их носители отличаются от дальневосточных в той же мере, в какой всё сословие европейского дворянства отличается от сословия дальневосточного чиновничества. В ряде государств (созданных в результате завоевания части территории Китая кочевыми народами) параллельно сосуществовали два типа сословного деления: для китайцев и завоевателей. Последние делились всегда на три сословия – знать, чиновники и простолюдины, без неполноправных. Исключением были Раннее Чжао, Северное Вэй и Поздняя Хань (923–937 гг.), где по причине сильной китаизации создателей государства особого сословного деления для завоевателей не вводилось.

²¹ Если в Советской исторической энциклопедии (т. 13. М., 1971. С. 347) определение сословия еще более или менее адекватно историческим реалиям – там сословия характеризуются по их юридическому положению в обществе с добавлением, что «в развитом, сложившемся виде сословия характеризовались наследственностью и относительной замкнутостью», то Советский энциклопедический словарь (М., 1983. С. 1240) называет сословие группой, «обладающей передаваемыми по наследству правами и обязанностями», а Философский энциклопедический словарь (М., 1983. С. 627) и вовсе уверяет, что «сословия отличаются от таких корпораций, принадлежность к которым является результатом личных достижений индивида (на экзаменах, военной службе и т. д.)», тогда как именно личные достижения на государственной службе, и особенно военной, служили основным источником пополнения высшего сословия в «классических» сословных обществах.

²² См., например: *Ланьков А. Н. Политическая борьба в Кореи XVI – XVIII вв. СПб., 1995. С. 37*; Д. В. Деопик пишет: «Проблема степени социальной вертикальной мобильности очень важна, так как именно ее высокая степень в ЮВА, отсутствие вследствие этого сословных учреждений и прав делает трудным сравнение с феодальной Европой и послужило для

вано на представлении о Европе XVIII–XIX вв.), так как для даже самых «сословных» стран Европы, во всяком случае, до середины XVII в., характерна размытость сословных границ, и состав даже высшего сословия – дворянства очень долго вообще четко не фиксировался. В частности, во Франции вплоть до XVII в. границы его оставались открытыми. Ротюрные семьи легко могли со временем аноблироваться, если на протяжении двух-трех поколений вели дворянский образ жизни и вообще «дворянином был прежде всего тот, кого общество признавало таковым».²³ Собственно, круг родов, принадлежащих к высшему сословию, практически никогда там не фиксировался (в отличие, между прочим, от Китая VII–VIII вв.) даже в XVIII в.²⁴

Вообще считать обязательными признаками сословия неприменную наследственность социального статуса и замкнутость совершенно неверно. Одновременно оба этих признака присущи не сословию, а касте, и именно их наличием каста отличается от сословия (хотя сама каста представляет собой, конечно, разновидность сословного деления). Замкнутых сословий вообще практически не встречается (даже к клану правителя, если рассматривать его как сословие, можно было быть причисленным благодаря браку с его представителями, усыновлению или дарованию фамилии). Что же касается наследственности, то, действительно, в большинстве случаев сословная система общества предполагает наследование социального статуса. Иногда такое наследование юридически обязательно, в других случаях оно имеет место в силу естественных причин. Можно сказать, что сословия закономерно тяготеют к наследственности. Однако это не значит, что всякое сословие обязательно должно быть наследственным.

Совершенно очевидно, что общество может или быть сословным, или не быть таковым, т. е. не может существовать положения, при котором в обществе часть населения находится вне сословий или имеется одно-два сословия, а остальное население – «вне сословий» (в этом случае оно неминуемо также образует сословие, ибо противопоставляется в правовом отношении тем группам, которые признаются сословиями – по этому принципу, в частности, выделялось «третье сословие» во Франции). Так что если считать обязательным признаком сословия наследственность социальной принадлежности, то придется отказать в праве именоваться сословиями целому ряду сословий даже «классических» сословных обществ, например, русскому купечеству или европейскому духовенству (о наследственности последнего в принципе не могло быть речи по причине целибата), хотя в обоих случаях законодательство прямо называет эти группы населения сословиями. Таким образом, в «классических» сословных обществах (Франция, Россия), законодательством которых к тому же прямо указан перечень сословий, предусматривается, что одни сословия могут пополняться путем наследования, а другие – нет. Наиболее последовательно сущность сословий выражена в российском законодательстве, где они именуются именно «состояниями» (т. 9 Свода законов – «Законы о состояниях»), имея в виду то социальное состояние, в котором пребывает тот или иной индивид.

Обычно в сословных обществах привилегированные сословия выделяются более подробно, а низшее сословие носит как бы «остаточный» характер, тогда как в обществах теоретически бессословных, но реально юридически выделяющих отдельные категории населения, наиболее подробно структурированы низшие неполноправные слои. В древних обществах как Востока, так отчасти и античности можно достаточно четко различить три (иногда четыре) сословия:

некоторых основанием отрицания феодального характера средневековых обществ Юго-Восточной Азии. Степень социальной мобильности – одна из проблем «неевропейских феодализмов», часто называемых «азиатским феодализмом» или «азиатским» способом производства применительно к средним векам... Для перехода важнейшей в обществе грани достаточно было некоторого богатства, дававшего или связи, или возможность уплаты за звание, или возможность располагать свободным временем для выполнения мелких чиновничьих функций или получения дополнительного образования» (*Деоник Д. В.* Вертикальная социальная мобильность низших групп феодальных землевладельцев и общинной верхушки в Юго-Восточной Азии // *Классы и сословия в докапиталистических обществах Азии.* М., 1986. С. 180,183).

²³ Европейское дворянство XVI–XVII вв.: границы сословия. М., 1997. С. 54,66.

²⁴ С конца XVII в. во Франции несколько раз предпринимались попытки составить «всеобщий каталог» дворян, но они так и не были осуществлены (*Пименова Л. А.* Дворянство накануне Великой французской революции. М., 1986. С. 30).

1) полноправные общинники, имеющие право на землю как члены общины и соответственно голос в местном самоуправлении, 2) свободные неполноправные (чужаки и лица, по разным причинам утратившие связь с общиной) – этих прав не имеющие, 3) несвободные бесправные (рабы и близкие к ним категории населения). В этом случае элитные по функциям и реальной значимости группы – жрецы, придворные, чиновники – никак не выделены и входят в состав первого сословия наравне с простолюдинами (а иногда и второго, поскольку правители комплектуют свой аппарат и двор и за счет чужеземцев), лишь иногда аристократия или жрецы выделены в особое сословие, стоящее выше рядовых общинников.

Еще один аспект организации элиты – отношение к наследованию соответствующего статуса. В принципе во всех обществах элитные группы де-факто носят преимущественно наследственный характер. Но юридический подход к принципу наследования привилегированного статуса может полярно отличаться. На противоположных полюсах его находятся, например, европейские (не говоря уже о кастовых) и дальневосточные общества. В первом случае представитель высшего сословия (дворянин) – это человек, *имеющий право* служить и заполняющий такие элитные группы, как офицерство и чиновничество по праву происхождения, а во втором именно и только сам факт службы делает человека представителем высшего здесь сословия – чиновничества, которое есть сословие *реально служащих*. Если в Европе в наследовании элитного статуса заключается сам смысл принадлежности к высшему сословию, то на Дальнем Востоке всякая возможность получения привилегированного статуса иначе как лично, за службу и по соизволению верховной власти категорически отрицается. Другое дело, что на практике и здесь в большинстве случаев чиновниками становятся дети чиновников, и даже существует механизм, облегчающий такой переход (право «тени» – рекомендации высшими чиновниками на службу младших родственников), но такое право является прерогативой не высокого происхождения, а высокого служебного положения. И хотя на практике (как будет показано ниже) различия в степени наследственности высшего сословия невелики (в Европе интенсивность его пополнения «со стороны» бывала и очень велика за счет резкой убыли, а в дальневосточных странах в большинство периодов среди лауреатов экзаменов преобладали выходцы из служилых семей), принципиальный подход к проблеме комплектования высшего сословия был совершенно разным.

* * *

Традиционные общества представлены в истории огромным числом конкретных примеров, принадлежащих к нескольким основным цивилизационным типам. По способу организации элит они, как представляется, могут быть сведены к нескольким основным видам, большинство из которых соответствует (хотя бы приблизительно) известным региональным цивилизациям (с характерным для них этническим, религиозным и культурным содержанием). Примерно половина этих видов свойственна обществам, которые в своих основных чертах сохранялись к XIX в., элиты которых непосредственно эволюционировали в элиты современного вида.

Первый вид (условно «европейский» или служило-аристократический) представлен обществами, в котором элитные группы расчленены и относительно мало связаны друг с другом. Для него типично классическое сословное деление, когда за каждой из групп в принципе, по идее, закрепляется одна из функций.

Во втором случае элиты расчленены, и сословия и социально-профессиональные элитные группы фактически существуют, но формально уравниваются перед лицом высшей власти («деспота») и юридически могут вовсе не выделяться. Именно такая картина наблюдается в большинстве мусульманских обществ.

Для третьего вида характерна нерасчлененность элиты. Элита воплощена в фигуре чиновника (военные – лишь его разновидность), соединяющего в своем лице и власть, и духовно-жреческие функции, и образованность, и материальную обеспеченность. Такова ситуация в странах Дальнего Востока – ареала распространения китайской («конфуцианской») политической культуры.

Особый вид представлен кастовыми обществами. Функциональное деление элиты выражено здесь в наиболее откровенной форме и в раннем виде (варновая система) подано в иерархической последовательности. Под влиянием конкретных условий эта иерархия в реальности меняется, и касты ее выражают более гибко (правят, как правило, военные касты, а за духовными остается лишь монополия на культовую деятельность и связанный с этим почет).

Для иного вида («государственно-патриархального»), свойственного, в частности, обществам, не входивших в зону одной из базовых цивилизаций (европейской, исламской, конфуцианской) или испытывавших их влияние лишь частично (например, страны ЮВА), характерно то, что элита здесь структурируется прежде всего на основе правящего рода и создающихся вокруг него сословий по принципу знатности происхождения.

Еще несколько видов организации элит можно выделить в обществах, в основном сошедших с исторической арены многие столетия назад или эволюционировавших в иные. При желании их можно связать и соединить в один тип с более поздними обществами, но всё-таки они обладают достаточно специфическими чертами организации элит, чтобы можно было говорить о них как об отдельных типах.

К ним относится, в частности, «античный» тип, характеризующийся наличием сословных групп, основанных на принципе дееспособности и исполнении гражданских обязанностей, которые позже характеризуются и имущественным цензом.

При типе, условно могущим быть названным «древне-общинном», элитные группы обычно не выделяются в сословном отношении, а представляют собой слой должностных (жреческих, административных, военных) лиц, юридически равный основной массе коренного свободного населения и входящий наряду с ним в высшее сословие полноправных общинников.

Еще один вид («древне-бюрократический»), распространенный, как и предыдущий, главным образом на Древнем Востоке, отличается от него тем, что реально доминирующие слои (жречество, чиновничество) выделяются в статусном плане от массы населения довольно четко.

Вид, условно именуемый «древне-аристократическим», дает картину пирамиды сословных групп, выстроенную в зависимости от знатности происхождения с четкой регламентацией для каждой из них одежды, пищи, жилища, предметов быта и т. д.

«Примитивно-аристократический» вид (свойственный, в частности, большинству кочевых обществ), характерен дихотомией, где родовая знать противопоставлена массе рядовых свободных членов общества при практическом отсутствии промежуточных профессиональных прослоек.

Такое разделение, разумеется, очень условно, поскольку все типы имеют очень много общих черт, часто пересекающихся, и в основу данного деления положены некоторые специфические черты, наиболее сильно развитые именно в данном типе, наличием или степенью развития которых он и отличается от других.

Для крайне примитивных обществ вообще нехарактерна устойчивая социальная структура, и элита существует в виде не социальных групп, а как совокупность отдельных лиц (вождей, старейшин, жрецов и т. д.), положение которых обусловлено случайными обстоятельствами или личными качествами и не обязательно переходит по наследству.

Наконец, в ряде случаев элитные функции принадлежат некоторой этнической группе в целом – когда (независимо от наличия иерархии социальных групп внутри нее самой) по отношению к основной массе населения вся она занимает привилегированное положение и

является средоточием и властных, и духовных, и интеллектуальных, и материальных полномочий. Такая картина наблюдается либо в случае завоевания, когда завоеватели не склонны признавать за покоренным населением иную роль, кроме физического труда, либо в результате упорного нежелания представителей определенной этнической группы заселять нижние этажи социальной пирамиды.

2. Структура элиты традиционных обществ. Номенклатура элитных групп

Общества древности и раннего средневековья

Даже в самых примитивных обществах наличествовала индивидуальная вариация в статусах, тесно связанная с духом соперничества, конкуренции, причем, естественно, во все времена высшие ступени социальной иерархии занимал не тот, кто (больше) производил, а тот, кто владел и распоряжался средствами производства.²⁵

В доколониальной Африке, в частности, в большинстве случаев можно наблюдать наличие элитных групп, выделяемых по признаку обладания властью и богатством, а в ряде случаев даже стройную иерархию таких групп. Например, население Золотого Берега конца XVII – начала XVIII в. делилось на 5 страт: 1) короли и правители, 2) кабосиры и вожди, 3) богачи (в основном торговцы), 4) крестьяне и рыбаки, 5) рабы. У аканов (Гвинейское побережье) верхушка общества («знать») состояла из двух категорий: родо-племенной (*абремпонфо*: все вожди, старейшины и жрецы) и служилой (*асомфо*: из чужаков, назначавшихся за личные заслуги и только на вновь учрежденные посты; в конфедерации Ашанди в доколониальный период учреждено 146 таких постов); еще одной категорией «знатных» были *сикафо* («богатые») – новая торговая элита из общинников.²⁶ В Мали иерархия эндогамных профессиональных групп-каст (земледельцы-воины, ремесленники, певцы-сказители или гриоты) сложилась еще с X в. и была связана с отношением к власти: за гриотами закрепились функции советников вождей, за кузнецами (средняя ступень иерархии) – идеологическое лидерство и руководство тайными союзами.²⁷ В Бенине же люди, поднявшиеся к началу «европейского периода» выше «среднего уровня» – род правителя-обы, верховные старейшины, служители культа – еще не вышли из общинной организации (особой жреческой касты не было, тенденцией было замыкание жречества в рамках небольшой, маловлиятельной и внутренне далеко не единой группы лиц, что позже и произошло).²⁸

В доколумбовой Америке местные цивилизации, при всех отличиях между собой, равно знали четкое разделение между знатью и простолюдинами. У ацтеков знать (только она могла носить одежды из хлопка) – лица, занимавшие военные и гражданские должности, – делилась на наследственную (*тетеуктин*; в т. ч. и правитель и местные правители) и по пожалованию (простые люди, отличенные за военные заслуги, имевшие должность, получавшие землю, освобождение от налога, но не имевших права на особые украшения, как предыдущие). К знати примыкало жречество, черное и белое (жреческие титулы были и у высших светских лиц). Третьей элитной группой были торговцы, по влиянию и роли в обществе стоявшие между общин-

²⁵ Артемова О. Ю. Первобытный эгалитаризм и ранние формы социальной дифференциации // Ранние формы социальной стратификации. М., 1993. С. 50, 78.

²⁶ Попов В. А. Историческая динамика общественного расслоения и тенденции классогенеза в парapolитейных обществах // Ранние формы социальной стратификации. М., 1993. С. 132–137.

²⁷ Арсеньев В. Р. Мали: традиции культуры и проблемы социально-политического развития // Ранние формы социальной стратификации. М., 1993. С. 223–224.

²⁸ Бондаренко Д. М. Привилегированные категории населения Бенина накануне первых контактов с европейцами // Ранние формы социальной стратификации. М., 1993. С. 165.

никами и знатью (они имели свой сословный суд, и государство обеспечивало им защиту вне пределов страны).²⁹

У юкатанских майя к XVI в. также четко различались две группы (помимо рабов): знатные и простолюдины, кроме того, выделялись сословия или группы ремесленников, воинов, купцов, колдунов, врачей, прорицателей. К знати принадлежали (только по рождению) правители, жреческая и чиновная верхушка и все другие, могущие доказать, что их предки находились среди аристократических семей в Майяпане до его разрушения в XV в. К ним относились *батабы* – начальники крупных поселений (многие из рода правителя, испанцы их называли касиками), *ах куч кабы* – главы квартальных делений городов и крупных селений, военачальники и члены аристократических рыцарских орденов. Кроме того, имелись чиновники ряда категорий с полицейскими и судебными функциями – не члены аристократических родов – и жречество. Такая структура сложилась еще в I тыс. н. э., когда общество уже возглавлялось слоем знати во главе с наследственными династиями светских правителей и жрецов, ниже которого стояли чиновники, писцы, далее – профессиональные ремесленники, внизу – земледельцы.³⁰

Теотихуакана (Мексика) представляло собой теократическое государство, в котором класс жрецов сосредоточил и политико-административную власть. Элитными группами здесь были жрецы, торговцы и интеллигенция, но найдены и статуэтки воинов (напоминающие ацтекских аристократов-воинов из орденов «Ягуара» и «Орла»), что заставляет предположить и наличие светской военной знати.³¹

Для древней Месопотамии еще до создания централизованных деспотий было характерно деление общества на полноправных общинников, неполноправных (чужаков или лиц, утративших связь с общиной) и рабов. С III тыс. до н. э. в шумерских городах-государствах выделялась независимая знать – родовая аристократия, занимавшая ведущие места в общине.³² К ней примыкало жречество, составляя ее немалую часть.³³ Однако при создании единого Шумеро-Аккадского царства эта аристократия была постепенно уничтожена. При кутиях, разрушивших это царство (кутийские вожди были заинтересованы только в дани, управляли чиновники из аккадцев и шумеров³⁴), остатки ее еще существовали, но, видимо, были смешаны вместе с кутиями, и начиная с государства III династии Ура уже вовсе не встречается знати, ссылающейся на свою генеалогию и возводящую ее к родовому божеству. Знать теперь приобретает исключительно служилый характер: это царская администрация, жрецы (фактически превратившиеся в чиновников) и военачальники.³⁵ Тот же процесс имел место на севере Месопотамии – в Ассирии. Общинная знать к Новоассирийскому периоду уже исчезла и была заменена служилой, причем цари зорко следили за тем, чтобы не возникали слишком могущественные роды и, вероятно, для предотвращения этого на важные посты нередко назначали евнухов.³⁶

В юридическом отношении и знать (высшие чиновники, жрецы, представители крупных деловых домов), и остальные общинники, в т. ч. беднейшие, считались равноправными,³⁷ хотя

²⁹ Баглай В. Е. Социально-классовая структура древнеацтекского общества // Ранние формы социальной стратификации. М., 1993. С. 172–173, 175, 178–180, 183.

³⁰ Гуляев В. И. Города-государства майя. М., 1979. С. 222–224, 228–229, 251.

³¹ Гуляев В. И. Древнейшие цивилизации Мезоамерики. М., 1972. С. 133, 138.

³² История Древнего Востока. Ч. 1. М., 1983. С. 241.

³³ Дьяконов И. М. Общественный и государственный строй Древнего Двуречья. Шумер. М., 1959. С. 219.

³⁴ История Древнего Востока. Ч. 1. М., 1983. С. 260.

³⁵ Дьяконов И. М. Общественный и государственный строй Древнего Двуречья. Шумер. М., 1959. С. 251.

³⁶ История Древнего Востока. От ранних государственных образований до древних империй. М., 2004. С. 372.

³⁷ История Древнего Востока. От ранних государственных образований до древних империй. М., 2004. С. 499–500.

их социальная роль и материальное положение были несопоставимы. При III династии Ура, например, на содержание главного жреца храма Нанше в Лагаше выделялось 36 га, на каждого надзирателя рабочего отряда – 15, на рядовых работников – менее 2,5 га на 300 человек. Жрецы в это время находились полностью на положении чиновников.³⁸ Ниже стояли мелкие чиновники и писцы. Царская администрация комплектовалась во многом за счет лиц, не принадлежащих к общинам – *мушкенумов*, которые получали жалованье или землю непосредственно от царя (при III династии Ура *мушкенумами* были только царские служащие низших категорий, т. к. высшие и средние тоже могли владеть участками общинной земли и фактически относились к общинникам-*авиллума*³⁹). И в Вавилонии, и в Ассирии чиновники, вплоть до мелких, получали либо служебные наделы земли, либо жалованье.⁴⁰

Профессиональные писцы представляли собой весьма важную социальную группу во всех государствах Двуречья. Для их подготовки существовали специальные школы, большинство выпускников которых становилось чиновниками при дворе царей, храмах и реже у богатых людей, были и нигде не служившие, преподававшие или занимавшиеся научной работой. В Шумере около 70 % писцов служило в аппарате, 20 – у частных лиц и 10 – врачами, жрецами и т. д. Они могли занимать высокие должности наместников городов, судей и др. В Вавилонии существовали следующие категории писцов: 1) писцы-переводчики (сепиру), 2) царские или государственные писцы, 3) храмовые писцы, 4) писцы на службе частных лиц для составления контрактов. Хотя профессия писца и считалась престижной, жизненный уровень основной массы писцов не был выше рядового населения.⁴¹

Купечество всегда играло в древнемесопотамских обществах значительную роль. В условиях, когда знать не выделялась юридически в особое сословие, они фактически были ее частью, причем царская власть, стремившаяся умалить значение родовой аристократии, к ним обычно благоволила (купцы шумеро-аккадских факторий рассматривали Саргона как покровителя и защитника⁴²). В Ассирии в ранний период именно купеческие роды играли ведущую роль, лишь позже вынужденные делить ее со служилой военной знатью. Хотя формы организации купеческой корпорации не везде были одинаковы. Например, при III династии Ура торговля была подчинена государству, и торговые агенты стали государственными служащими, фактически войдя в состав чиновничества.⁴³ В Новоавилонском царстве торговля лишь частично оставалась в руках профессиональных купцов – *тамкаров*, теперь торговлей могли заниматься любые частные лица (существовали могущественные предпринимательские дома, наиболее древний – Эгиби функционировал еще с 715 г. до н. э. и продолжал свою деятельность при персах в VI–V вв.).⁴⁴

Таким образом, для всех оседлых семитских обществ Месопотамии было характерно выделение 3–4 элитных групп: «знати» (куда входили высшие чиновники, военачальники, жрецы), низшие чиновники и писцы, купечество, при том, что сословно все они не выделялись, а относились к группам полноправных общинников или мушкенумов. Характерной чертой было отсутствие здесь родовой аристократии, уже на самых ранних этапах устраненной из социальной структуры, что не в последнюю очередь было связано с деспотическим характером и заметной степенью бюрократизации месопотамской государственности. Однако в ряде

³⁸ История Древнего Востока. Ч. 1. М., 1983. С. 272, 276.

³⁹ Там же. С. 374.

⁴⁰ Кленгель-Брандт Э. Путешествие в древний Вавилон. М., 1979. С. 139; История древнего мира. Кн. 2. Расцвет древних обществ. М., 1882. С. 43.

⁴¹ Дандамаев М. А. Вавилонские писцы. М., 1983. С. 59, 171, 176.

⁴² Дьяконов И. М. Общественный и государственный строй Древнего Двуречья. Шумер. М., 1959. С. 222.

⁴³ История Древнего Востока. Ч. 1. М., 1983. С. 377.

⁴⁴ История Древнего Востока. От ранних государственных образований до древних империй. М., 2004. С. 502–503.

других государств древнего Ближнего Востока, с иной этнической основой, ситуация могла заметно отличаться, и иерархия элитных групп типологически близка к «феодальной».

В хурритской Аррапхе господствующий слой, пришедший к власти в результате завоевания, использовал деревни как объект ответственности и дарения. Власть над деревнями принадлежала узкому слою элиты, прежде всего членам царских семей разных хурритских государств. Ниже их стоял гораздо более многочисленный слой военных, обрабатывавших сами полученные ими участки. Продажей продовольствия ведали купцы, упоминаемые среди «рабов дворца», которые, помимо своих обязательств перед дворцом, вели дела и в интересах частных лиц.⁴⁵ Слой писцов, без которого не могло обходиться ни одно древневосточное общество, был там представлен (при неграмотности местного населения) нашедшими приют после касситского завоевания вавилонскими писцовыми династиями (пример одной из таких династий – потомки Апил-Сина, имевшего 8 сыновей, 20 внуков, 24 правнука и 8 праправнуков – все писцы).⁴⁶

В Урарту аристократия была представлена многочисленным царским кланом (существовали целые поселения из родичей царя), а военная и служилая знать, из которой комплектовались такие «аристократические» рода войск, как колесничие и всадники, восходила, вероятно, к местным знатым родам различных племен. Среди царских людей выделялась высшая группа *мари* – аналог *марианна* у хурритов, а основную массу населения составляли *шуреле*, несшие воинскую и другие повинности и жившие общинами.⁴⁷

В Хеттском царстве с самого возникновения единого государства определяющую роль играла аристократия; среди нескольких знатных родов выделялся «великий род», из которого выходили цари и высшие чиновники. Остальные аристократы сочетали обязанности воинов с административными во дворце («воины и слуги царя»). Они входили в *панкус*, который прежде всего был судебной инстанцией, и члены его были подсудны только самому этому органу (на суд его теоретически мог быть призван даже царь). Члены аристократических семей были связаны с царем клятвой верности и получали за заслуги земельные владения, как при феодализме. Даже с исчезновением *панкуса* (между 1 500 и 1 400 гг. до н. э.) аристократия осталась особо выделенной социальной группой (именно она поставляла колесницы, основную силу хеттского войска). Более того, круг «баронов» (возможно – из-за легких колесниц) пришлось расширить, кроме того, круг местных правителей был расширен за счет вассальных правителей завоеванных территорий, положение которых закреплялось подробными договорами.⁴⁸

Такой социальный строй свойствен в основном тем обществам, которые были созданы индоевропейскими этносами или с заметным влиянием последнего (в т. ч. хурритским). Впрочем, отдельные элементы «феодализма» прослеживаются даже в Эламе, где чиновники получали из дворцового фонда надельные земли (впервые в Древней Передней Азии их дают крупным сановникам с выдачей иммунитета от царских поборов), а в конце XVI в. до н. э. это явление встречается в царстве Приморья, позже – в касситской Вавилонии и в Сирии.⁴⁹

Древний Египет, где централизованное государство возникло еще раньше, чем в Месопотамии, имел с ней то сходство, что здесь также отсутствовало оформленное сословное отделение элитных групп от рядовых общинников. Однако разница между фактическим положением знати (а также таких привилегированных групп как жречество и писцы) и рядовых общинников была огромной, и эти группы профессионально были четко очерчены и отграничены от

⁴⁵ Вильгельм Г. Древний народ хурриты. М., 1992. С. 78,82.

⁴⁶ История Древнего Востока. Ч. 2. М., 1988. С. 73–74.

⁴⁷ История Древнего Востока. От ранних государственных образований до древних империй. М., 2004. С. 410.

⁴⁸ Маккуин Дж. Г. Хетты и их современники в Малой Азии. М., 1983. С. 114–116; Герши О. Р. Хетты. М., 1987. С. 63,65.

⁴⁹ История Древнего Востока. Ч. 1. М., 1983. С. 408,412–413.

рядового населения. Эти три основные группы – чиновная знать, жречество и писцы (позже также профессиональные воины-колесничие и купцы) и были основными элитными группами в стране.

Для Египта, в отличие от Месопотамии, было характерно существование наследственной знати, как столичной, так и провинциальной, хотя она и носила чиновный характер. При Древнем царстве наибольшее значение имела столичная знать, при Среднем царстве (когда степень централизации государства была заметно слабее) усилилось значение местной, номовой знати, которая создавала на местах целые династии. При этом, хотя многие из областных правителей имели придворные ранги, а их родичи оседали на доходных местах в столице, они редко назначались на высшие должности в столице; здесь преобладала потомственная столичная знать, унаследовавшая должности отцов так же, как они наследовались на местах. В Новое царство костяк знати составляли по-прежнему местные правители, одни из которых были ставленниками фараона, другие – преемниками своих отцов. Даже во вторую половину царства некоторые в духе Среднего царства хвалились знатностью происхождения. Положение областного правителя было очень высоким (даже начальник царского казнохранилища получил его в порядке повышения). Представители знати занимали обычно не только высшие, но и все более-менее значительные должности и часто передавали их по наследству, из них же комплектовалась верхушка жречества, которое никогда не было замкнутой группой.

Огромную роль в Египте играли писцы. При том значении, которое придавалось тут во всех сферах учету и отчету, править государством могли лишь по-настоящему грамотные люди, поэтому правящий слой страны был хорошо образован. Сыновья вельмож Древнего царства часто состояли писцами в отцовских хозяйствах; даже самые знатные чиновники не брезговали писцовыми званиями. Профессиональные писцы, которых отбирали с детства и готовили в специальных школах, образовывали престижную профессиональную корпорацию. В Новое царство появились и составили главную силу войска колесницы, и колесничие заняли в обществе положение, равное рядовому жречеству. Купцов при Древнем царстве не было, все путешествия в другие страны были государственными мероприятиями, и на рынке самого Египта невозможно обнаружить ни одной фигуры крупнее торговца-лоточника; появляются они только в период Нового царства.⁵⁰

Для всех древних оседлых ираноязычных народов уже в древности был характерен четко выраженный сословный строй, наследовавший традицию варнового деления древних ариев. При этом к изначально существовавшим трем сословиям: жрецов, воинов и крестьян позже добавляется промежуточное между двумя высшими сословиями и простолюдинами сословие (в Иране это были писцы, которых еще при Ахеменидах во множестве выпускали писцовые школы; при дворе царя, сатрапов и в армии было много переводчиков, знавших несколько языков⁵¹) или дифференцируется низшее сословие (так, еще в Авесте фиксируется отделение крестьян от ремесленников⁵²).

Наиболее яркий пример такого рода дает древний и раннесредневековый Иран (до арабского завоевания). Разницы в этом отношении между Ахеменидской, Парфянской и Сасанидской державами практически не было. Хотя высшим сословием формально считалось жреческое, реальная власть находилась в руках второго – «воинов и царей», и политическая система напоминала средневековый европейский феодализм (цари раздавали земельные наделы воинам и гражданским чиновникам). При этом среди сословия «воинов и царей» особо выделялась аристократия. В ахеменидскую эпоху имелось 7 ведущих персидских родов (только их пред-

⁵⁰ История Древнего Востока. Ч. 2. М., 1988. С. 355,361,412,489,490,492,494.

⁵¹ Дандамаев М. А., Луконин В. Г. Культура и экономика древнего Ирана. М., 1980. С. 125.

⁵² Фрай Р. Наследие Ирана. М., 1972. С. 84.

ставители могли явиться к царю без вызова). Костяком ахеменидской армии были 10 тыс. «бессмертных», из коих первая тысяча (личная гвардия царя) – из персидской знати. Все сыновья высокопоставленных перов воспитывались при дворе царя.⁵³ В Парфии также всегда особую роль играли могущественные роды парфянской знати (Карены, Сурены, Михраны и др.), имеющие свое войско; сохранялся и общегосударственный совет родовой знати. Имелись также царские вельможи (вазурги), мелкие владетели и полунезависимые князьки.⁵⁴

Основную часть сословия составляли тяжеловооруженные всадники. При Ахеменидах они жили компактной массой в центре Персиды, либо при дворе, сохраняя племенное деление. Наличие дехканства – «поземельного дворянства» также было характерно и для ираноязычного населения Средней Азии (Хорасан, Согд). *Дехкане* жили в укрепленных поместьях-усадебках – «замках» вокруг резиденций своих господ и должны были (или их дети) служить в их войске в качестве тяжеловооруженных конников-«рыцарей». Они на протяжении столетий служили в войске владевших этими территориями империй – Ахеменидов, затем Александра и его преемников, затем у греко-бактрийских царей. Их сюзеренами обычно были персидские сатрапы, но могли быть и местные властители.⁵⁵

Строго сословным было и общество Сасанидского Ирана. Высшим здесь считалось сословие магов, жрецов зороастризма, к которому относились и лица, связанные с культом – судьи, храмовые служители и учителя. Высший разряд жрецов составляли *мобеды* во главе с мобедан-мобедом, контролировавшие духовенство в округах и провинциях. Второе сословие – воинов было внутренне структурировано и возглавлялось самим шаханшахом, затем шли царевичи, наместники областей (*шахрдары*) из членов династии и покоренных местных правителей, затем – *вистухры* – члены 7 древних родов, которым принадлежало наследственное право на важные должности и ведение определенной отрасли (военные дела, суд, финансы, кавалерия, вооружение армии и т. д.),⁵⁶ затем – *вазурги* или *вузурги* (главы наиболее знатных родов), занимавшие прочие руководящие посты, внизу – *азаты*, рядовые всадники-землевладельцы, из которых выделяются составлявшие ядро тяжелой кавалерии *дихканы* («главы селений»), стоявшие во главе больших селений и волостей и отвечавшие за сбор налогов. Но ниже их стояла конница из служилых людей низшего сословия, получавшая жалованье из казны, а иногда и земельные наделы. Третьим сословием (возникшим позже в V–VI вв.), были писцы (*дапиры*, *дабиры*), в которое входили представители ряда профессий, стоявшие выше просто-народья (лекари, музыканты, переводчики, ученые). В низшее сословие входили все остальные свободные, и оно делилось на три группы – крестьяне, ремесленники, торговцы. Принадлежность к сословиям определялась статусом отца, и на переход в более высокое требовалось специальное решение царя.⁵⁷

Сходные реалии можно наблюдать и у некоторых западных индоевропейских народов, например, у кельтов (позволяющие даже проводить прямую параллель от галлов к средневековой Франции). Галльское сословие военных людей, или всадников, напоминает рыцарей, брейры, или племенные князья, содержащие многочисленную дружину (иногда до 10 тыс.), сходны со средневековыми баронами; могущественный класс духовенства, владеющего светской властью, напоминает римское папство». ⁵⁸

⁵³ Дандамаев М. А., Луконин В. Г. Культура и экономика древнего Ирана. М., 1980. С. 130, 186, 233.

⁵⁴ История древнего мира. Кн. 2. Расцвет древних обществ. М., 1882. С. 476–477.

⁵⁵ История Древнего Востока. От ранних государственных образований до древних империй. М., 2004. С. 776–779.

⁵⁶ Пигулевская Н. В. Византия и Иран на рубеже VI и VII веков. М. – Л., 1948. С. 208–209.

⁵⁷ Большаков О. Г. История Халифата. Т. 1. М., 1989. С. 25–27; История стран зарубежной Азии в средние века. М., 1970. С. 114–115.

⁵⁸ Успенский Ф. И. История Византийской империи. VI–IX вв. М., 1996. С. 10.

Для ряда оседлых древних обществ было характерно конституирование жесткой социальной пирамиды в зависимости от происхождения – на аристократической основе. Именно такими были первые китайские государства. В Инь (XV–XI вв. до н. э.) и раннем Чжоу (XI–IX вв. до н. э.) объективно выделялось 3 слоя: 1) правящий привилегированный (родственники и приближенные вана, местные правители-чжухоу с родственниками и приближенными и, вероятно, главы клановых объединений цзунцзу), 2) свободные рядовые общинники – основная масса населения, 3) очень немногочисленные несвободные и бесправные. При этом высший слой в чжоуское время оформился в виде пирамиды «*ван – чжухоу – дафу – ши*», где старшие сыновья наследовали статус своих родителей, а остальные опускались на ступень ниже, пока не переходили в состав простонародья. Для каждого ранга существовал установленный набор различий в питании, жилище, обладании предметами материальной культуры, и даже в языке существовало несколько наборов слов, употреблявшихся исключительно в пределах одного ранга. Таким образом, материальное благосостояние человека предельно жестко соответствовало его социальному статусу, обусловленному происхождением.

В дальнейшем выделяются некоторые новые группы, и сословное деление становится более дробным. В IX–VIII вв. до н. э., когда при распаде государства правители сами провозглашают себя ванами и вводят титулы знатности, появляется сословие профессиональных служилых людей (*цин, дафу, ши*). Первоначально *ши* были профессиональными воинами, потомками раннечжоуских дружинников, немалое число которых сопровождало властителей уделов на новое место и помогало наладить администрацию. Позже в ряды полувоинов-получиновников стали, видимо, вливаться и потомки захудалых аристократических линий. В результате к середине I тыс. до н. э. сложился слой лиц, нередко уходивших далеко от дома. Из этой среды правители периода Чуны (VII–V вв. до н. э.) и особенно Чжаньго (V–III вв. до н. э.) набирали себе преданных помощников от мелких чиновников до могущественных министров.⁵⁹ Уже в период Чуны эта система начинает деформироваться, и регламентация атрибутов перестает соблюдаться, становятся возможными фигуры бедного аристократа и богатого выскочки.⁶⁰ В период Чуны-Чжаньго аристократическими считались все кланы, отпочковавшиеся от патронимии правителей царств. Такие цзуну возглавляли наследственную аристократию, занимая одновременно и высшие посты в государственном аппарате.⁶¹ В это время в ряде царств высшие должности стали наследственными, а их обладатели возглавили т. н. «сильные дома», которые фактически сосредоточили власть в своих руках, вели войны между собой, свергали правителей и основывали собственные династии. При создании централизованных империй Цинь и Хань с III в. до н. э. иерархия элитных групп формируется на совершенно иной, служебной основе – места человека в системе чиновных рангов.

Нечто подобное можно наблюдать и в раннем корейском государстве Силла, где в соответствии с принадлежностью к аристократии *чинголь*, одной из трех групп *тунхум* или просто-народью весьма детально регламентировались все черты быта: размеры и материал жилища, ткани, могущие употребляться для изготовления одежды, набор и материал изготовления утвари, повозок, конской сбруи и т. д.⁶² Однако и здесь, как в Китае, аристократический строй уступил со временем место бюрократическому.

⁵⁹ Васильев Л. С. Феодальный клан в древнем Китае. (Возникновение, расцвет, упадок) // Социальные организации в Китае. М., 1981. С. 175.

⁶⁰ Как отмечал М. В. Крюков, анализ материалов погребений VIII–VI вв. до н. э. наглядно подтверждает слова одного из деятелей того времени о том, что «живущий в смутный век может быть знатным и тем не менее бедным» (Крюков М. В. Социальная мобильность и этнические процессы в древнем Китае // Четырнадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае». Ч. 2. М., 1983. С. 4).

⁶¹ Переломов Л. С. Конфуцианство и легизм в политической истории Китая. М., 1981. С. 17.

⁶² С. м.: Волков С. В. Чиновничество и аристократия в ранней истории Кореи. М., 1987. Приложение V. С. 281–287.

В кочевых обществах Центральной и Восточной Азии, устроенных по условиям быта достаточно примитивно и не предполагающих наличия ни административного аппарата, ни тех социальных групп, которые присущи оседлым обществам (чиновничество, купечество, частные служащие и т. п.), единственным принципом, обособляющим элитный слой, выступает знатное происхождение. Здесь всегда наличествуют два сословия – знать и народ (беки и народ, «обладающие саном» и «сородичи и нар о д»),⁶³ а реально можно вычленить 4 группы: правящий род, аристократия (знать, беки), простолюдины (рядовые воины) и несвободные.⁶⁴

В древнегреческом обществе прослойка знати – в основном родовые вожди и жрецы – выделяется довольно рано, на Крите уже в конце III – начале II тыс. до н. э..⁶⁵ Уже в архаической Греции в 1 500–1 200 гг. до н. э. происходит обособление некоторых профессиональных групп, в т. ч. купцов и работников умственного труда – грамотеев, счетчиков, врачей, рабсодов, художников.⁶⁶ При этом картина социальной стратификации некоторых ранних обществ напоминает древневосточные реалии. В Пилосском царстве (XVI–XIII вв. до н. э.), где организатором экономики выступал дворец, ведущую роль играла военная и жреческая знать, представленная высшими сановниками (часть государственной земли распределялась между ними на правах условного держания). Как и на Древнем Востоке, документы создавались профессиональными писцами, существовал штат среднего и мелкого чиновничества (помимо высших должностных лиц, в т. ч. военачальника-лавагета, и штата писцов во дворце, существовала территориальная администрация – начальники 16 округов и управлявшие отдельными поселениями базили; из дворца высылались вестники, курьеры, инспекторы и ревизоры).⁶⁷

В Гомеровский период (XI–IX вв. до н. э.) греческое общество четко делится на аристократию (сословие родовой знати) и рядовых общинников. В Афинах в IX–VIII вв. до н. э. родовая знать именовалась эвпатридами, образовывавшими правящий слой и противопоставленными земледельцам и ремесленникам. Они были локальными династами в Аттике, а при объединении составили совет правителя, став единственными аристократами по рождению.⁶⁸ В VIII–VII вв. племенной вождь базилей уступил место коллегии должностных лиц – архонтов, а совет старейшин преобразовался в Ареопаг, пополнявшийся из отслуживших срок архонтов. Однако полисная республиканская структура, в отличие от восточных деспотий, не предполагала наличия иерархии элитных слоев, связанных с государственным аппаратом. Поэтому аристократия, лишенная подобного организующего начала (хотя в Афинах и позже многие авторитетные должности, требующие специальной подготовки, почти все военные фактически были отданы в руки аристократических семей⁶⁹), обречена была со временем слиться с равными ей по богатству крупными землевладельцами, владельцами больших мастерских, торговых кораблей, ростовщиками. Связь между знатностью, образованием и богатством впервые стала подрываться во время Пелопоннесской войны, когда появился новый тип политика – сыновья богатых владельцев факторий, которым богатство позволило получить образование и вести политическую деятельность.⁷⁰

⁶³ Кляшторный С. Г. Основные черты социальной структуры древнетюркских государств Центральной Азии (VI–X вв.) // Классы и сословия в докапиталистических обществах Азии. М., 1986. С. 219, 221.

⁶⁴ Кычанов Е. И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М., 1997. С. 272.

⁶⁵ История Древней Греции. М., 2001. С. 41.

⁶⁶ Блаватская Т. В. Греческое общество второго тысячелетия до новой эры и его культура. М., 1976. С. 25.

⁶⁷ Полякова Г. Ф. Социально-политическая структура пилосского общества. М., 1978. С. 4, 264; История Древней Греции. М., 2001. С. 63–64.

⁶⁸ Seager R. Elitism and Democracy in Classical Athens // The Rich, the Well Born, and the Powerful; Elites and Upper Classes in History / Ed. by F. C. Jaher. Urbana—Chicago—London, 1973. P. 8.

⁶⁹ История Древней Греции. М., 2001. С. 117, 179–180.

⁷⁰ Seager R. Elitism and Democracy in Classical Athens // The Rich, the Well Born, and the Powerful; Elites and Upper Classes in History / Ed. by F. C. Jaher. Urbana—Chicago—London, 1973. P. 11.

Процесс этот в разных полисах происходил по-разному, но в наиболее наглядной форме он имел место в Афинах, где реформа Солона 594 г. до н. э. разделила население на 4 разряда по величине дохода (500, 300, 200 и менее 200 мер зерна), члены 1-го (*пентакосиомедимны*) и 2-го (всадники) служили в коннице, избирались на высшие должности, 3-го (*зевгиты*) – в тяжелой пехоте, 4-го (*феты*) лишь голосовали в Народном собрании. Эта реформа знаменует замену принципа выделения элиты «по рождению» на принцип «по имущественному цензу». Торговля в греческом мире, если и не считалась, как в Спарте, занятием, позорящим гражданина, то особым уважением не пользовалась, и особой купеческой корпорации как престижного социального слоя не сложилось. В ряде мест, где имело место завоевание местного населения, победителями была создана отличная от этой система, сочетающая аристократизм управления с эгалитаризмом господствующего слоя. В Спарте в конце VII – начале VI в. до н. э. был осуществлен раздел земли (с сидящими на ней илотами) поровну между 9 тыс. спартиатов, которые превратились в замкнутое сословие профессиональных воинов-гоплитов, между которыми поддерживалось имущественное равенство (с запретом дарений, завещаний и продаж и системой мер, минимизирующих любую возможность личного обогащения). При этом в управлении решающую роль играли комплектуемые представителями знатных родов органы – Совет геронтов (из 30 человек: 2 царя и 28 пожизненных членов), и коллегия из 5 эфоров (избираемых на 1 год).⁷¹ На Крите VII–V вв. до н. э., как и в Спарте, аборигены превратились в зависимых, приписанных к поместьям, а меньшинство свободных превратилось в господствующий слой, ниже которого стояли апетайры (неполноправные), зависимые и рабы; ранняя монархия была заменена аристократическими магистратами (функции главной магистратуры выполняла коллегия космов, выбираемых из определенных родов, образуя привилегированные наследственные группы).⁷² Нечто подобное наблюдалось и у этрусков, которые как завоеватели, подобно спартамцам, составили господствующий слой. Этрусская знать, занимающая высшие гражданские и жреческие должности, была создана по образцу тех родов, которые имелись у соседей (латинов, сабинов, умбров) и стала именоваться по топонимам местностей, где находились ее владения.⁷³

В эллинистических монархиях, созданных греко-македонянами на Востоке, либо был просто сохранен традиционный аппарат, как у Птолемеев (основной территориальной единицей был ном, где имелись стратег, номарх-эконом и грамотей-писец, делившийся на районы-топ и деревни-ком с назначенными чиновниками), либо, как у Селевкидов, существовала опирающаяся на местные традиции развитая бюрократическая система чуть ниже уровнем (тоже территориально структурированная: сатрапии – епархии – гипархии). Соответственно строилась и социальная иерархия. Высший слой элиты у Птолемеев состоял из делившихся на ранги придворных чинов – лиц ближайшего окружения царя (так называемых «родственников» и «друзей»), из которых назначались руководители ведомств и военачальники (у Селевкидов различались просто «друзья», «почитаемые друзья», «первые и самые почитаемые друзья»)).⁷⁴ Основную массу господствующего слоя составляли греки и македоняне (в центральном правительстве ими были заняты почти все высшие должности), но в составе стоявшего ниже слоя среднего и мелкого чиновничества широко было представлено и местное население.

Древний Рим, где, как и в Греции, имело место падение роли старой родовой аристократии и установление стратификации по имущественному цензу, дает вместе с тем и пример возрождения аристократической традиции на новой основе. Римское общество в целом было

⁷¹ История Древней Греции. М., 2001. С. 113, 115, 119–120, 180–181.

⁷² Кембриджская история древнего мира. Т. III. Ч. 3. Расширение греческого мира. VIII–VI века до н. э. М., 2007. С. 287, 289–290.

⁷³ Немировский А. И. Этруски. От мифа к истории. М., 1983. С. 118–124.

⁷⁴ История Древней Греции. М., 2001. С. 304, 308–309.

слабо структурировано в статусном отношении. В нём законодательно выделялись лишь два привилегированных (крайне незначительных численно) сословия, всё же остальное свободное население составляло плебс.⁷⁵ Чиновничество, командный состав армии, лица интеллектуального труда, купцы и владельцы производств, хотя и существовали как вполне очевидные профессиональные группы, но социальный статус их членов никак особо выделен не был (если только эти лица не принадлежали к высшим сословиям или, напротив, не были рабами или зависимыми).⁷⁶

В раннем Риме ведущую роль играла родовая аристократия, из представителей которой первоначально состоял римский Сенат. При этом уже предпоследний царь Сервий Туллий разделил население на 6 имущественных разрядов (полный надел, 3/4, 1/2, 1/4, менее 1/4, безземельные), позже – в денежной форме. Из них 1-й выставлял 80 центурий тяжелой пехоты и 18 конницы, все остальные вместе – 95 легкой пехоты.⁷⁷ В V–IV вв. до н. э. изначальная родовая аристократия утрачивает свое особое положение; после изгнания царей плебеи входят в Сенат, в 415 г. была уничтожена основа аристократической замкнутости – запрет браков аристократии с простыми гражданами, в 367 г. до н. э. плебеи добились полного равенства с патрициями, им был открыт доступ ко всем должностям (за ними была закреплена половина их, плюс только им принадлежали должности народных трибунов). Но система правления осталась аристократической, ибо богатые и влиятельные плебейские семьи давно уже выделились из массы и вместе с патрицианскими пользовались сенаторскими правами. Республиканская революция утвердила господство аристократии, поскольку личные заслуги могли легче доставить влияние и почет при царской власти, чем при господстве патрициев, которые допускали в свою среду плебеев не самых способных, а таких, которые стояли во главе богатых и знатных семей. Высшее сенаторское сословие теперь комплектуется из бывших консулов и преторов (со II–I вв. до н. э. – также квесторов и эдилов, а также народных трибунов), а также кооптированных туда цензорами, раз в 5 лет производившими ревизию списка (они также могли вычеркивать недостойных); о цензе речь не шла. В самом Сенате существовало деление его членов на 3 разряда (бывшие консулы, преторы и эдилы), а остальные были лишены права участвовать в прениях.⁷⁸

⁷⁵ Отсутствие статусной стратификации ниже небольшого высшего слоя связано с общими принципами римского быта. Т. Моммзен отмечал: «Конечно, те общественные ступени, которые неизбежно создаются во всяком гражданском обществе возрастом, умом, образованием и богатством, оказывали свое влияние и на римское общинное устройство, но дух гражданства и политика правительства не позволяли этим различиям резко выступать наружу. Весь римский общественный быт клонился к тому, чтобы делать из граждан способных людей, стоящих на одном среднем уровне, но никак не давать хода гениальным личностям. Образование римлян не подвигалось вперед вместе с усилением могущества римской общины; а сверху его инстинктивно скорее сдерживали, нежели поощряли» (Моммзен Т. История Рима. Т. 1. СПб., 1994. С. 248–249).

⁷⁶ История древнего мира. Кн. 2. Расцвет древних обществ. М., 1882. С. 462–463.

⁷⁷ 2-й, 3-й и 4-й разряды выставляли по 20 центурий, 5-й – 30, ремесленники и музыканты 4, пролетарии – 1; с 241–238 гг. каждый из 1–5 классов выставлял по 70 центурий; число всаднических, ремесленных и пролетарских осталось прежним. По центуриям проходило и голосование (История древнего мира. Кн. 2. Расцвет древних обществ. М., 1882. С. 437–438, 464).

⁷⁸ Моммзен Т. История Рима. Т. 1. СПб., 1994. С. 217–218, 237, 244–245, 614. При Сулле порядок комплектования Сената был изменен: цензура фактически упразднена (отнято право вычеркивать), а число квесторов увеличено до 20 ежегодно, при этом был установлен возрастной ценз и порядок: сначала надо было побыть квестором, затем претором, затем консулом (эдила разрешалось миновать); в 104 г. до н. э. Сулла также отменил выборность высших жреческих должностей и возвратил жреческим коллегиям неограниченное право кооптации (Моммзен Т. История Рима. Т. 2. СПб., 1994. С. 253–254).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.